

Михаил Люстров. «Злобный ратник», на «горах северных» воссевший: 14 глава книги пророка Исаяи в сочинениях Ивана Наседки и Андерса Арребо	3
Антонина Мартыненко. Жанровые традиции и авторская прагматика: раздел «Послания» в структуре сборника Е. А. Баратынского 1827 года	12
Геннадий Обатнин. Из наблюдений в области социопозтики	26
Елена Глуховская. К истории русского «аргонавтизма»: сборник «Vox coelestis»	41
Лада Панова. «Шестой удар» цикла Кузмина «Форель разбивает лед» на фоне балладной традиции	52
Сергей Шершнев. Проблема реального комментария к повести Юрия Трифонова «Обмен» (адресат, источники)	78
Александр Жолковский. «Агу!» Заметки о «пирожках» и «порошках»	84

Тираж 500 экз.

2017 XIII (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2017 (1)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnâ škola

© Авторы статей, 2017

© «Летняя школа по русской литературе», 2017

Информация об авторах

Елена Глуховская, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, Санкт-Петербург, Россия
glu-alyona@yandex.ru

Александр Жолковский, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
alikh@usc.edu; <http://www-bcf.usc.edu/~alikh/alikh.htm>

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, и. о. заведующего отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Антонина Мартыненко, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
antonina.martynenko1995@gmail.com

Геннадий Обатнин, Ph. D., доцент отделения современных языков кафедры славистики Университета Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
gennadi.obatnin@helsinki.fi

Лада Панова, профессор университета Южной Калифорнии, Лос-Анджелес, США
gatto_pardo@mail.ru

Сергей Шершнеф, студент Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия
serjjour@gmail.com

ЛАДА ПАНОВА
(Лос-Анджелес)

«ШЕСТОЙ УДАР» ЦИКЛА КУЗМИНА «ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД» НА ФОНЕ БАЛЛАДНОЙ ТРАДИЦИИ

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть «Шестой удар» — часть прославленного цикла Михаила Кузмина «Форель разбивает лед» (1927) — на фоне английской балладной традиции, а именно фольклорных песен и бродсайдов; стихотворений английских романтиков; «Леноры» Бюргера, усвоенной русскими сентименталистами и (пре)романтиками; модернистских стилизаций под английскую балладу; наконец, переводов английской и американской балладной классики на русский язык. С 1920-и, когда спрос на балладу был предельно высоким, Кузмин явно шагал не в ногу. Он создал заведомо анахроничную реплику английской романтической баллады, тогда как другие поэты всячески модернизировали балладные жанры, в частности, использовали их для прославления военных и трудовых побед советского государства. Кроме того, «Шестой удар» представляет собой стилистически и жанрово совершенный текст, тогда как в других балладах этого времени не особенно заметна забота о слоге и требованиях жанра. Из русских баллад 1920-х годов единственным соперником «Шестого удара» был «Джон Боттом» Владислава Ходасевича — главным образом, своей английской палитрой и тонкой переработкой топоса Леноры. К статье прилагается перечень русских баллад (в самом широком понимании этого слова), написанных с 1890 по 1939 годы (более 150 единиц).

Ключевые слова: английская баллада, романтическая баллада, баллады в русском модернизме, стилизация, «Форель разбивает лед» М. Кузмина, «Джон Боттом» В. Ходасевича, русские модернистские переводы англоязычных баллад.

This article makes an attempt to consider «The 6th Thrust» of Mikhail Kuzmin's famous cycle «The Trout Breaks the Ice» (1927) against the background of English balladic tradition: folklore songs and broadsides; the poetry of English Romanticism; German «Lenore» topos, which in its turn influenced Russian Sentimentalists and (Pre) Romantics; the Russian Anglicized ballad of the Modernist epoch; and, last but not least, Russian translations of English and American

ballad classics. In «The 6th Thrust», Kuzmin ignores the main balladic trends of the 1920s. His piece is an anachronistic version of the English Romantic ballad, while his contemporaries modernized the balladic genres, in particular, by singing war and economic victories of the Soviet state. Yet another difference is that «The 6th Thrust» is perfectly well written while Kuzmin's contemporaries paid little attention to style and special requirements of the genre. «The 6th Thrust»'s only rival was Vladislav Khodasevich's «John Bottom» — mainly due to its British repertoire and sophisticated treatment of «Lenore» topos. Appended to the article is a list of ballads (in the broad sense of this term) written between 1890 and 1939 (more than 150 titles).

Key words: English ballad, Romantic ballad, ballads in Russian Modernism, stylization, «The Trout Breaks the Ice» by M. Kuzmin, «John Bottom» by V. Khodasevich, Russian Modernist translations of English-language ballads.

ШЕСТОЙ УДАР

БАЛЛАДА

Ушел моряк, румян и рус,
За дальние моря.
Идут года, седеет ус,
Не ждет его семья.
Уж бабушка за упокой
Молилась каждый год,
А у невесты молодой
На сердце тяжкий лед,
Давно убрали со стола,
Собака гложет кость, —
Завыла, морду подняла...
А на пороге гость.
Стоит моряк, лет сорока.
— Кто тут хозяин? Эй!
Привез я весть издалика
Для мистрисс Анны Рэй.
— Какие вести скажешь нам?
Жених погиб давно! —
Он засучил рукав, а там
Родимое пятно.
— Я Эрвин Грин. Прошу встречать! —
Без чувств невеста — хлоп...
Отец заплакал, плачет мать,
Целует сына в лоб.

Везде звонят колокола
«Динг-донг» среди равнин,
Венчаться Анна Рэй пошла,
А с нею Эрвин Грин.
С волынками проводят их,
Оставили вдвоем.
Она: — Хочу тебя, жених,
Спросить я вот о чем:
Объездил много ты сторон,
Пока жила одной, —
Не позабыл ли ты закон
Своей страны родной?
Я видела: не чтишь святынь,
Колен не преклонял,
Не отвечаешь ты «аминь»,
Когда поют хорал,
В святой воде не мочишь рук,
Садишься без креста, —
Уж не отвергся ли ты, друг,
Спасителя Христа?..
— Ложись спокойно, Анна Рэй,
И вздора не мели!
Знать, не видала ты людей
Из северной земли.
Там светит всем зеленый свет
На небе, на земле,
Из-под воды выходит цвет
Как сердце на стебле,
И все ясней для смелых душ
Замерзшая звезда..
А твой ли я жених и муж,
Смотри, смотри сюда! —
Она глядит и так и сяк, —
В себя ей не прийти..
Сорокалетний где моряк,
С которым жизнь вести?
И благороден, и высок,
Морщин не отыскать,
Ресницы, брови и висок, —
Ну, глаз не оторвать!
Румянец нежный заиграл,
Зарделася щека, —

Таким никто ведь не видал
И в детстве моряка.
И волос тонок, словно лен,
И губы горячей,
Чудесной силой наделен
Зеленый блеск очей...
И вспомнилось, как много лет...
Тут... в замке... на горе...
Скончался юный баронет
На утренней заре.
Цветочком в гробе он лежал,
И убивалась мать,
А голос Аннушке шептал:
«С таким бы вот поспать!»
И легкий треск, и синий звон,
И огоньки кругом,
Зеленый и холодный сон
Окутал спящий дом.
Она горит и слезы льет,
Молиться ей не в мочь.
А он стоит, ответа ждет...
Звенит тихонько ночь...
— Быть может, душу я гублю,
Ты, может, — сатана:
Но я таким тебя люблю,
Твоя на смерть жена!

<1927, опубл. 1929>¹

1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

«Шестой удар» до сих пор не становился объектом специального анализа. Тем не менее о нем существует ряд наблюдений.

Дж. Малмстад и Г. Шмаков выявили его балладные ин-тертексты: шотландские народные баллады о демоническом любовнике; готическую «Ленору» Г. Бюргера, трижды пере-ложенную В. А. Жуковским и другими русскими поэтами; и две баллады, принадлежащие перу английских романти-ков. В «Энохе Ардене» А. Теннисона действовала героиня *Annie*, которая при живом муже-моряке, заброшенном на

---

¹ Кузмин М. Форель разбивает лед. Л., 1929. С. 16–19.

необитаемый остров, выходила замуж за Филиппа Рея (*Ray*); отсюда — кузминская героиня *Анна (ушк)а Рей*. В свою очередь, в «Поэме о старом моряке» С. Кольриджа имелись моряк, его странствия, свадебный пир, а также — добавлю уже от себя — переход героя из как бы смерти обратно в жизнь. С «Поэмой...» соавторы также связали версификационные особенности «Шестого удара» — деление на четверостишия, в которых чередуются 4-х и трехстопные ямбы; этот метр выглядит довольно необычно на фоне более привычных для русской баллады хореев.¹

Малмстад и Шмаков, а потом Шмаков в отдельном исследовании о вагнерианском слое в творчестве Кузмина указали на присутствие в «Шестом ударе» следующего мотива «Летучего голландца»: моряк, обреченный на вечные поиски истинной любви.² Шмаков также увидел претекст «Шестого удара» в стихотворении Кузмина «Сумерки» (1922, цикл «Морской Тристан») — вагнерианском и с *Кельтической Ярославной*, «женой моряка, ждущей мужа домой из моря».³

Н. А. Богомолов прокомментировал «Шестой удар» как «английскую балладу», связанную не только с «Поэмой о старом моряке», но и «с их русскими имитациями (например, <...> балладам[и] И. Одоевцевой)»,⁴ а также показал, что фамилия *Грин*, титул *баронет* и замок недвусмысленно отсылают к роману Г. Майринка «Ангел Западного окна», прочтение которого вдохновило Кузмина на создание цикла «Форель разбивает лед».⁵

¹ *Malmstad J., Shmakov G.* Kuzmin's «The Trout breaking through the Ice» // *Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde, 1900–1930.* Ithaca; London, 1976. P. 150–151.

² *Ibid.* P. 151. См. также: *Шмаков Г.* Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // *Wiener Slawistischer Almanach.* 1989. Bd 24. S. 34 (*Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*).

³ Там же.

⁴ *Кузмин М.* Стихотворения. СПб., 2000. С. 770.

⁵ *Богомолов Н. А.* Тетушка искусств: Окультизм в поэзии М. Кузмина // *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 177–178. Более полный обзор научной литературы, посвященный «Шестому удару», см. в другой моей работе: *Панова Л. Г.* «Форель разбивает лед» (1927): диалектика любви. Статья 4. О балладе и балладности // *М. Л. Гаспаров: О нем. Для него.* М., 2017. С. 587–630.

В настоящей работе выявление специфически балладных интертекстов «Шестого удара» будет продолжено.

2. «ШЕСТОЙ УДАР» КАК ИМИТАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ БАЛЛАДЫ

Начиная с Дж. Ф. Чайлда (1825–1896), классика изучения английской баллады, любые разговоры о ней начинаются с разъяснения, что под этим термином понимаются три генетически родственные явления:

(1) старинная устная баллада-песня, литературно не отделенная и вообще грубоватая, представляющая собой захватывающую историю из жизни обычных людей (а также шотландского пограничья, рыцарского прошлого Великобритании, военных походов и мореплавания); считается, что ее сочиняли конкретные авторы, чьи имена стерлись из народной памяти; она имела хождение у полу- или совсем неграмотного населения, а до образованного читателя ее донесли собиратели и публикаторы фольклора;

(2) баллада бродсайдов — полулитературное авторское стихотворение, напечатанное на специальных листах, нередко в сопровождении гравюры и ссылки на известную мелодию; она просуществовала с начала XVI по конец XIX века, предназначалась для уличной торговли и постепенно вытесняла старинную балладу;

(3) литературная баллада, имитирующая два вышеописанных типа, автор которой профессионально владеет словом; с публикацией таких баллад в престижных изданиях жанр «английской баллады» из разряда табуированных перешел в разряд модных.

Будучи весьма начитанным в английской литературе, Кузмин в принципе мог взять за образец любой из этих трех типов. Приводимые в этой статье рассуждения говорят все-таки в пользу ориентации «Шестого удара» на литературную балладу и, конкретнее, балладу эпохи романтизма — времени расцвета этого жанра в поэзии, не только английской, но также немецкой, французской и русской.

Понять, что из себя представляет «Шестой удар», невозможно, не остановившись на самых общих параметрах английской литературной баллады, а также на пути,

проделанном ею из Англии через Германию и Францию в Россию.¹

Английская литературная баллада — эпическое произведение средней длины в стихах, подхватывающее конвенции старинной баллады-песни и/или баллады бродсайдов, но при этом обладающее характерными свойствами литературности. К конвенциям относятся: обезличенное повествование, как правило, в третьем лице; серьезный тон; простая, часто наивная, фабула (или несколько фабул), трагующая о переломной ситуации в судьбе обычного человека (война, рыцаря, моряка...); динамичное изложение по принципу *in medias res*, отсутствие лирических и прочих отступлений; наряду с эпическим началом — драматическое (диалог движет действие; часто перелом ситуации происходит благодаря диалогу); акцент на поразительной истории, а не на характерах; отсутствие эмоций и морализаторства; некоторая недоговоренность и вообще аура загадочности; подчеркнутый демократизм, осязаемая грубость стиля, изображение насилия и таких персонажей, которые не желают сдерживать себя и оттого попадают в беду. Что касается литературности, то к ней относится и хорошо отделанный слог, и нетривиальная разработка истории, и безыскусность как сознательный эффект, и умелое нагнетание ужасов, и придание мотиву сверхъестественного правдоподобия. Самые умелые баллаdisty (или, на языке русского романтизма, *балладники*) к тому же подчеркивали, что вышивают новый узор по старой канве. Стилистически это выражалось в использовании либо шотландского диалекта, либо архаизмов. В лучших образцах литературной баллады (типа «Поэмы о старом моряке») наивно-бытовая история, захватывающая сама по себе, в то же время иллюстрировала философский, экзистенциальный, метапоэтический или иной тезис. Отличительной чертой английской баллады, какой бы из трех ее типов мы ни взяли,

---

¹ Дальше суммируются две энциклопедические статьи «Ballad» и «Ballad Meter» из издания: Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. by A. Preminger et al. Princeton, New Jersey, 1974. P. 62–65; предисловие из антологии: The Literary Ballad / Ed. by A. Ehrenpreis. London, 1966. P. 9–19; сведения из монографий: *Laws G.* The British Literary Ballad: A Study in Poetic Imagination. Carbondale & Edwardsville, 1972; *Katz M.* Russian Ballad in Early 19th Century Russian Literature. London, 1976.

был так называемый «балладный стих». Это — четверостишие с перекрестной рифмовкой, нечетные строки которого выдержаны в четырехстопном ямбе, а четные — в трехстопном. Одна из его прелестей состояла в том, что он легко клался на музыку. Допускались в английской балладе и другие метры.

В истории европейской литературы баллада английского типа обрела популярность лишь при сентименталистах и романтиках, открывших для себя национальный дух и фольклор (включая балладу) как выразитель этого духа. Романтики, кроме того, культивировали созвучную балладе топику. Это сверхъестественная сила, трагически вмешивающаяся в жизнь героя; сильный характер, не признающий никаких границ и правил; богоборчество и богоравность; наконец, жизнь, наполняющаяся смыслом ввиду близящейся смерти. В художественной литературе, долго считавшей балладу английского типа недостойно низким жанром, перелом произошел в эпоху позднего классицизма усилиями епископа Т. Перси, в 1765 году выпустившего «Памятники старинной английской поэзии» («Reliques of Ancient English Poetry») — собрание простонародных баллад, часть которых была им облагорожена. Приводившаяся там баллада «Sweet William's Ghost» («Привидение милого Уильяма») считается английским прототипом «Леноры» Бюргера. Уже по этому примеру можно судить о том, что из Англии мода на балладу распространилась в Германию, а также другие европейские страны, и в конце концов достигла России.

При обсуждении «Шестого удара» важно учитывать судьбу бюргеровской «Леноры» в Англии, где вышло много ее переводов и переложений. Самый большой успех снискала «Ellenore» Уильяма Тейлора из Норвича, в которой имя *Lenore* подверглось англизации. У Тейлора были подражатели, включая Дж. Г. Байрона. Впоследствии «Ленора» была переведена В. Скоттом как «William and Helen», где Уильям — возможное напоминание о «Привидении милого Уильяма», английского прототипа бюргеровской баллады. Кузмин, давший одной из своих героинь балладное имя *Эллинор*,¹

¹ См. в этой связи фольклорную балладу «Queen **Eleanor's** Confession» («Исповедь королевы Элинор»), в переводе С. Я. Маршака, появившемся после «Форели», — «Королева Элинор».

возможно, тем самым указал на принадлежность «Форели» и, конкретно, ее «Шестого удара» к традиции Перси-Бюргера-Тейлора-Скотта-Жуковского.

«Шестой удар» выполнен по каноническим законам баллады английского романтизма. Сказанное относится и к безличному повествованию, и к наивно-серьезному тону, и к динамичному изложению событий, и к соотношению эпоса и драмы, и к грубоватым внешности и речам Эрвина Грина. Обратим еще внимание на то, что «Шестой удар» написан в предельно демократичном ключе. Кроме того, в «Шестом ударе», кстати, самой длинной миниатюре «Форели», выдержано идеальное для баллады «среднее» количество строк: их 92. В русле английской балладной традиции находится и способ именованя героев по имени и фамилии.

Особый интерес представляет имитация Кузминым английскости при помощи метрики. Помимо балладного стиха поэт учел то обстоятельство, что в среднем английское слово короче русского, и два его следствия: более высокую ударность английской строки по сравнению с русской (в том числе за счет сверхсхемных ударений) и сплошные мужские рифмы, более приемлемые на английский слух, чем на русский, требующий разнообразия. И действительно, в «Шестом ударе» из 92 строк в 44 схема ударений полностью выдержана; в еще двух это сделано за счет спондея, компенсирующего пиррихии. 46 строк — ровно половина «Шестого удара». Отмечу еще, что бóльшая часть строк со стопроцентной ударностью приходится либо на начало, либо на конец миниатюры, и это создает в ней «английский» ритмический «каркас». Что касается рифмовки «Шестого удара», то она — тоже на английский манер — исключительно мужская.

В английский, в том числе романтический, канон «Шестой удар» вписывается и своим сюжетом, комбинирующим две типичные для баллады фабулы с третьей, маскирующейся под таковую.¹

¹ Дальше я следую классификации из: *Laws G. The British Literary Ballad*. P. 23–57, причем не самым общим ее делениям (ср.: «Баллады о сверхъестественном», «Баллады о любви...»), а более мелким.

(1) Одна фабула — родом из морских баллад: моряк посещает далекие земли, пропадает там на долгое время или навсегда и наблюдает разные чудеса или переживает ужасы. Прототипы «Шестого удара» по этой линии уже назывались: это «Поэма о старом моряке» и «Энох Арден».

(2) Вторая, основная фабула пришла из баллад о призраке возлюбленного, таких как «Привидение милого Уильяма», «Ленора», переводы и переложения «Леноры» Жуковским («Людмила», «Светлана» и «Ленора») и других русских поэтов. Сюда же относится рыцарская баллада Скотта «The Eve of St. John», в переводе Жуковского — «Замок Смальгольм, или Иванов вечер». Еще один прецедент, где явившийся в мир живых покойник уже не жених, а невеста, — «Доника» («Donica») Р. Саути и Жуковского, баллада на финском материале, заканчивающаяся тем, что при бракосочетании жених сначала замечает, что рука его невесты *холодна, как лед*, а потом и вообще видит, что венчается с *бледным трупом*. Кузмин вполне мог ориентироваться и на баллады вне английской традиции: «Коринфскую невесту» И. В. Гете, трагующую бродячий сюжет о ночи любви, проведенной умершей невестой-вампиром с ничего не подозревающим женихом,¹ «Гайну» А. А. Фета, где действуют вампирический возлюбленный и девушка, теряющая из-за его визитов цвет ланит, наконец, готический «Призыв» В. Я. Брюсова, где лежащая в могиле женщина зазывает возлюбленного в свой склеп на свидание.

(3) Третья фабула — метаморфоза героя в другое существо — приближается к балладам о волшебных превращениях, но не совпадает с ними. Дело в том, что по традиции превращенный персонаж понижался до гнома, животного или птицы,² тогда как у Кузмина Эрвин Грин возвышается до баронета.

Сюжет «Шестого удара» можно сформулировать как невероятное замужество Анны Рей. Речь об Анне заходит потому, что на многих участках «Шестого удара», особенно

¹ До «Форели» Кузмин написал на этот сюжет «Невесту. Римский рассказ».

² Впрочем, в балладе «Lord William» Саути, переведенной Жуковским как «Варвик», призрак ребенка превращается в покойного юного брата лорда Уильяма.

с 27-й строки и до конца, повествователь встает на ее точку зрения — человека, живущего обыденной жизнью, в которой вдруг начинают происходить сверхъестественные чудеса. Хронологически свадьбе Анны предшествуют: одиссея (робинзопада?) ее нареченного жениха, отпевание жениха его родней как погибшего в плавании, его неожиданное возвращение, долгое узнавание, церемония бракосочетания в церкви и накрытый для свадьбы стол. Своего драматического пика повествование достигает в спальне новобрачных: прежде чем взойти на ложе, Анна выпрашивает Эрвина о причинах его странного поведения в церкви — а он не прикасался к кропильнице, не крестился и вообще сторонился христианских святынь. Если она это поведение склонна толковать наивно, как отказ от христианской веры, свершившийся в далеком плавании, то искушенный читатель, воспитанный на балладах, начинает подозревать худшее: что к Анне явился призрак Эрвина во плоти и что именно по этой причине он не может вести себя иначе, как избегая богослужебных ритуалов. Выслушав Анну, Эрвин грубо ее одергивает (*вздора не мели*), а дальше без каких бы то ни было предисловий начинает ей рассказывать про чудесную северную страну, где *светит всем зеленый свет*. «Зеленая» фамилия Эрвина *Green* делает его гражданином этого мистического локуса,¹ лежащего, как явствует из «Первого удара», в широтах и долготах *Исландии, Гренландии и Тулэ*. Упоминает Эрвин и некий *цвет*, выходящий из-под воды. Понимание того, что конкретно цветок делает в «Шестом ударе», наступает с «подменой» Эрвина баронетом. Когда-то Анна, провожавшая баронета в последний путь, любовалась тем, что *в гробу цветочком он лежал*. Заметим: цветочек недвусмысленно отсылает к *цвету* северной страны! Пленившись баронетом на его похоронах, Анна немедленно возжелала его: «*С таким бы вот поспать!*». И вот теперь, в спальне, баронет лежит и соблазняет Анну *зеленым блеском очей*. Зеленый, кстати, — второй, после *цветочка*, мотив, привязывающий баронета к мистической северной (она же — *зеленая*) земле

¹ Соответствующие мысли высказывались в: *Malmstad J., Shmakov G. Kuzmin's «The Trout breaking through the Ice»*. P. 151.

(она же — страна). При всем том в нем разгорается жизнь, ср.: *Румянец нежный заиграл*. Так или иначе, вместо одного мертвеца из северной зеленой страны, с которым Анну связывает долг, быт и классовая принадлежность, для своей первой брачной ночи она получает его улучшенного двойника по покойницкой линии. Чтобы это не укрылось от внимания читателя, Кузмин выдержал минимальный параллелизм между Эрвином и баронетом: оба были отпеты и оплаканы родней; и оба — один в детстве и юности, а другой в момент исполнения супружеского долга, — отличались *румянцем*.

Пока Анна размышляет, не оставить ли ей брак неконсуммированным, спальня мутирует в кладбище, кстати, явно в напоминание о топосе Леноры: отсюда *треск, синий звон, огоньки кругом, зеленый и холодный сон, звенящая ночь* (последнее — дань Жуковскому, любившему такие синэстетические выражения¹). Анна порывается *молиться*, но что-то сковывает ее и толкает в объятия супруга, который благодаря метаморфозе в юношу-баронета обрел для нее сексуальную привлекательность. Как и в предшествующем разговоре с Эрвином Грином, так и сейчас ее колебания носят христианско-этический характер: *Ты, может, — сатана*. Решившись, она произносит клятву верности, в которой вместо ожидаемого *till death do us part* звучит *Твоя на смерть жена!* Налицо типовой персонаж английской баллады, переступающий границы дозволенного.

Итак, ближе к концу «Шестой удар» принимает очертания леденящей кровь истории о кладбищенской любви девушки с мертвецом, которая имеет и скрытый аллегорический посыл. На языке традиционной баллады Кузмин проговаривает ту мысль, в основе балладную и романтическую, что для *смелых душ* любовь сильнее смерти, Бога и Сатаны.

В заключение этой главы отмечу, что в двух незначительных пунктах Кузмин разошелся с поэтикой и эстетикой английской баллады.

Главное, что влечет Анну Рей к баронету, — это его красота. Относительно красоты у английской баллады существовал

---

¹ Ср. также тейлоровскую «Эллино» о синеве ночи: «<...> *and blue the night*».

свой канон: пригожей является почти всегда героиня; иногда это качество разделяет с ней и ее избранник. Если Кузмин и поддерживает балладную эстетику, то в духе мужского Эроса. Какова Анна Рей, не сообщается; баронет зато дважды сделан объектом ее сексуального желания.

Обращает на себя внимание и та аура недоговоренности, которой окружена история замужества Анны Рей. Самым непосредственным образом это относится к ее открытому финалу — в расхождение с традицией баллады, для концовки требовавшей определенности. В самом деле, из прочитанного невозможно вычислить, убьет ли Анну секс с мужем-мертвецом — случай Леноры, возроптавшей на Бога, которой за это и были посланы испытания, — или же ее брачная жизнь как-то наладится?

Начиная с публикации «Приключений Эме Лебефа» в 1907 году за Кузминым прочно закрепилась репутация виртуозного стилизатора. «Шестой удар» — лишнее подтверждение тому, насколько убедительно писателю удавалось вживаться в чужие культуры, эпохи и жанры.

3. НА ФОНЕ РУССКОЙ БАЛЛАДЫ 1890–1930-х

Перейдем теперь к вопросу о том, каким «Шестой удар» предстает на фоне русских баллад эпохи модернизма и раннесоветского времени.

Судя по составленному мной корпусу непереводаемых русских баллад в предельно широком их понимании, от написанных балладной (провансальской/старофранцузской) строфой — через английскую балладу¹ — к стихотворениям и циклам, имеющим всего лишь жанровую характеристику *баллада* в (под)заголовке (см. Приложение), в 1920-е, когда писалась «Форель», соответствующие жанры переживали бум. Такой вывод позволяет сделать статистика. Я рассмотрела баллады, созданные на протяжении пяти десятилетий между стихотворением «Таинственный пономарь. *Баллада*»

---

¹ О том, как английская баллада соотносится с другим балладными типами, включая самую раннюю, провансальскую, от которой и пошло это название, см.: *Мерилей А.* Вопросы теории баллады. Балладность // Учен. зап. Тартуского ун-та. Поэтика жанра и образа. Труды по метрике и поэтике. 1990. Вып. 879. С. 3–21.

(опубл. 1886) В. С. Соловьева (пародией на рыцарскую балладу) до «Баллады о старом замке» (1939) Д. Б. Кедрина (с угрозами расправы по адресу хозяина старинного польского замка, только что оккупированного Красной армией):

1880–1889 — 8 + раздел «Баллады, фантазии и сказы» в «Сочинениях» (1898) К. К. Случевского, в котором объединены стихотворения с размытой жанровой природой

1900–1909 — 22

1910–1919 — 59 (в 1916–1919 годах Северянин открыл для себя балладу как твердую форму средневековой французской поэзии и написал 22 стихотворения в этом жанре)

1920–1929 — 48

1930–1939 — 15

всего — не менее 152 единиц¹

Как можно видеть, с каждым новым десятилетием количество баллад увеличивалось, пока в 1910–1920-е годы не достигло своего пика; в 1930-е происходит спад чуть ниже уровня 1900-х.

Любопытно, что из полутора сотен баллад узнаваемо-английский тип представлен лишь десятком примеров. Это:

«Ботфорты пажа Адельстана» (1890, 1891) Ф. К. Сологуба

«Замок Джэн Вальмор. *Баллада*» (1899) К. Д. Бальмонта

«Баллада о графе Равенсвуде» (1908) С. М. Соловьева

«Мщение. *Баллада*» (1911) П. П. Потемкина

«Рыцарская верность. *Баллада*» (1911) И. К. Пруткова

«Смерть рыцаря Ланцелота. *Баллада*» (1913) В. Я. Брюсова

сова

«Баллада о Роберте Пентегью» (1920) И. В. Одоевцевой

«Баллада о Виттингтоне» (1923) Э. Г. Багрицкого

«Джон Боттом» (1926) В. Ф. Ходасевича

«Баллада» (1929) П. Я. Зальцмана

У символистов английский тип смыкается с рыцарской — сказочно-средневековой — балладой. И там, и там действие

---

¹ Это — уточненная версия таблицы, приводившейся в: *Панова Л. Г.* «Форель разбивает лед» (1927): диалектика любви. С. 603.

разворачивается в замке (на рыцарском турнире...), героями становятся короли, рыцари, страдающая прекрасная дама, ее любовник-паж и т. д., а рассказываемая история поражает то причудами любви, то количеством пролитой крови, то ужасами, связанными с колдовством. В свою очередь, сатириконовцы Потемкин и Прутков подхватили идущую от Соловьева сатирическую линию. В послереволюционные годы английская баллада в неумелом исполнении Одоевцевой оставалась «страшилкой» на тему смерти, в исполнении Багрицкого и Зальцмана — продолжением романтической традиции, трактующей о героических мореплавателях и морских битвах, а в поистине виртуозном исполнении Ходасевича — разговором о маленьком человеке, достоинство которого было попрано XX веком и, конкретнее, Первой мировой войной.

4. «ШЕСТОЙ УДАР» И БАЛЛАДА ХОДАСЕВИЧА «ДЖОН БОТТОМ»

В «Джоне Боттоме», о котором речь заходит прежде всего потому, что это, пожалуй, единственная баллада английского типа 1920-х годов, способная соперничать с «Шестым ударом», нашла выход установка раннесоветской баллады: писать о происходящих переменах, критиковать перекосы в установлении нового строя и воспевать подвиги революции и Гражданской войны. Установки установками, но действие Ходасевич перенес в довоенную и военную Англию, а также на поля сражений Первой мировой войны. Несмотря на то, что показанная поэтом «современность» в 1920-е выглядела не просто вчерашним днем, но историей, чужой для России, она не могла не звучать актуально для читателя, достоинство которого также было попрано в период установления советского строя. К России «Джон Боттом» имеет и то отношение, что, воспевая страдания и утрату достоинства, незаслуженно выпавшие на долю маленького человека, Ходасевич продолжил гуманистические традиции, идущие от Н. В. Гоголя и реалистов. Возможно, с подачи автора «Шинели» в «Джоне Боттоме» действует портной, прекрасно знающий свое дело, и к тому же женатый.

В «Джоне Боттоме» узнается вся мыслимая арматура английской баллады. Это и ужасы войны, и противопоставлен-

ная войне ценность жизни простого человека, и потусторонний мир (куда Джон отправляется, будучи убитым в бою), и его желание навестить любимую жену в виде призрака, и подчеркнутый демократизм. Невыразимое очарование балладе придает наивно-серьезный тон, взятый повествователем, благодаря чему читатели проникаются симпатией к главному герою. Английскость выражена также балладным стихом с исключительно мужской рифмовкой.

В заглавие баллады вынесены имя и фамилия главного героя, которые оказываются говорящими: *Джон* означает *everyman*'а, *Боттом* же отсылает к Нику Боттому, ткачу, актеру и шуту из шекспировского «Сна в летнюю ночь». В случае Ника Боттома его прозвище восходит к текстильному термину *bottom*, означающему «основа». По ходу пьесы оно скабрёзно обыгрывается. Возможно, назвав своего героя *Боттомом*, Ходасевич тоже актуализировал низкие значения этого слова — «низ», «дно», «задницу», причем как предвестие его жизненных неудач.

Сюжет «Джона Боттома» — трехактная драма: счастливая довоенная жизнь — гибель в бою — жалкое существование в Раю.

В мирной жизни Джон был портным, жившим в свое удовольствие в любимом домике с любимой женой. Его призвали на войну, и во время сражения он лишился не только жизни, но и правой руки — своей портновской идентичности. Тело Джона в конце концов упокоилось в аббатстве в могиле неизвестного солдата (тоже символе потерянной идентичности маленького человека), причем вместе с чужой рукой, плотницкой, душа же отправилась в Рай. Там вместо предсказуемого блаженства Джон страдает от двух несправедливостей. Первая — это чужая рука в его могиле, а вторая — невозможность свидеться с женой, считающей его без вести пропавшим. Пробуя «отпроситься» ненадолго на землю, Джон доходит до высшей инстанции — апостола Петра, но тот разъясняет ему, что праведникам пристало наслаждаться благами, которые им дает Рай, а не посещать любимых в виде призраков.

Как можно видеть, Ходасевич последовательно задействует сакральные смыслы: это и аббатство, и плотник (образ с явными новозаветными коннотациями), и Рай, и апостол Петр.

Все перечисленные локусы, герои и аллюзии положены на одну чашу весов, а страдания маленького человека на другую, и страдания перевешивают.

У «Джона Боттома» имеются общие интертекстуальные — балладные — контуры с «Шестым ударом». К такому прочтению двух текстов, написанных в одну эпоху и в близкой стилизаторской поэтике, подводит статья А. С. Немзера «Стихотворение Ходасевича „Джон Боттом“ и русская романтическая поэзия».¹ В ней было убедительно продемонстрировано, что «Джон Боттом» выдержан в традициях песен и «английских» баллад Козлова и Жуковского, включая «леноровскую».

К рассуждениям Немзера о «леноровском» субстрате «Джона Боттома» можно добавить, что мотив мужа/жены, павшего смертью храбрых на поле битвы, тем или иным способом отмеченного за свой подвиг и отпрашивающегося у властителей потустороннего мира на «побывку» к жене, восходит также к мифу о Протесилае, первом герое Троянской войны, и Лаодамией. Дело в том, что в русской модернистской традиции с подачи Ф. Ф. Зелинского и И. Ф. Анненского Лаодамия стала величаться «античной Ленорой». Это сравнение появилось в 1906 году с публикацией, во-первых, исследования Зелинского под говорящим названием «Античная Ленора»,² и во-вторых, стихотворной трагедии Анненского «Лаодамия» (1902); в ней параллель между Лаодамией и Ленорой проводилась в предисловии — небольшом филологическом эссе о бытовании мифа о Лаодамии и Протесилае в античности и в Новое время.

Что касается непосредственно этого мифа, то у русских драматургов, не только Анненского, но также Ф. К. Сологуба и В. Я. Брюсова (о которых чуть ниже), он фигурировал примерно в следующем объеме.

Царь Филаки Протесилай, только-только сочетавшись с Лаодамией браком и не успев как следует исполнить супружеских обязанностей, немедленно отбывает со своими тридцатью кораблями в военный поход на Трою. Там

¹ Немзер А. При свете Жуковского: Очерки русской литературы. М., 2013. С. 676–687.

² См.: Зелинский Ф. Из жизни идей: (Научно-популярные статьи). СПб., 1995. С. 247–272.

происходит заминка с высадкой на сушу. Никто из ахейцев не решается ступить на троянскую землю, потому что согласно предсказаниям Калханта смельчака ждет немедленная гибель. Отваживается на этот шаг один Протесилай. В некоторых вариантах мифа он в качестве посмертной награды получает славное прозвище *Протесилай* — «первый» (*πρῶτος*) из «народа/войска» (*λαός*); именем, данным ему при рождении, было *Иолай*.

Пока Протесилай совершает военные подвиги, Лаодамия тоскует по нему в Филаке и всячески фетишизирует его восковую портретную статую, выполненную в полный рост. Узнав о его смерти, она отказывается поверить в нее и продолжает ждать возвращения своего супруга домой. Протесилай, в свою очередь, получает у подземных богов разрешение на трехчасовое свидание с женой и — в трагедии Анненского — является к Лаодамии со словами: «Я умолил богов, чтоб Илион / Позволили оставить, и с тобой / Пробуду до рассвета... Я хочу / Свои чертоги видеть и тихонько / Тебе сказать слова любви...».¹ Лаодамия принимает Протесилая не за тень, а за живого человека. После ночи любви она окончательно теряет рассудок и лишает себя жизни — по версии Анненского, восходя на костер, куда ее отец только что отправил восковую статую Протесилая.

Вдохновившись «Античной Ленорой» Зелинского, Сологуб немедленно приступил к драме «Дар мудрых пчел», которая вышла в 1907 году. От «Леноры» Анненского она отличается целым рядом параметров, например, тем, что представляет собой прозаические монологи и диалоги с небольшим количеством поэтических вкраплений. Сологуб к тому же ослабил элементы ратной доблести Протесилая, но зато усилил «леноровские» элементы — стремление мертвого и живого супругов увидеться друг с другом несмотря ни на что. Просьба Протесилая отпустить его на три часа из подземного царства, обращенная к тоскующей по земному миру Персефоне, находит отклик в сердцах и Персефоны, и Аида.

После Сологуба эстафету квазиантичной трагедии в стихах на тему Лаодамии и Протесилая перехватил Брюсов.

¹ Цит. по: Анненский И. Ф. Лаодамия: Лирическая трагедия в 4-х действиях с музыкальными антрактами // Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 448 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В 1913 году вышел его «Протесилай умерший», в котором, как можно судить по заглавию, главным героем был Протесилай, а совсем не Лаодамия.

Таким образом, ратные доблести Протесилая и его роковое свидание с Лаодамией-Ленорой в виде призрака или тени, в Серебряном веке было у всех на слуху. Ходасевич по этой канве выписывает свой сюжет, в котором кульминацией становится неотпускание Джона Боттома из потустороннего мира в мир людей — как можно было видеть, вопреки и привычной балладной топике, и мифу о Протесилае и Лаодамии.

О том, как в «Шестом ударе» леноровские мотивы насыщаются новым содержанием, много говорилось во втором разделе, поэтому просто подведем итоги. И Ходасевич, и Кузмин в своих балладах заняты творческим развертыванием «леноровской» матрицы, но только Ходасевич отказывает своим героям в свидании, чем лишний раз подчеркивает несправедливость, царящую даже и в мире ином, а Кузмин сходный сюжет завершает на счастливой ноте.

5. «ШЕСТОЙ УДАР» И ПЕРЕВОДНЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ БАЛЛАДЫ

Рецепция английской, а вместе с ней и американской баллады русскими модернистами — это еще и многочисленные переводы. Назову те из них, которые можно считать непосредственным «окружением» «Шестого удара».

Гумилев предпринял новый перевод баллады Кольриджа «The Rime of the Ancient Mariner», который озаглавил «Поэма о старом моряке» (опубл. 1919).

Продолжал пользоваться популярностью и Скотт. Так, Брюсов переложил серенаду Кливленда из романа «Пират» в «Балладу. Подражание Вальтеру Скотту» (1918),¹ а Багрицкий — в «Разбойника (В. Скотт)» (1923).

«Эноха Ардена» (опубл. 1995) из современников Кузмина переводил Густав Шпет. Бальмонту принадлежал перевод еще одной баллады Теннисона, «The Voyage of Maeldune» /

---

¹ О чем см.: Разумова Н., Коноваленко А. Валерий Брюсов — переводчик баллад Эдгара По (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 84.

«Странствий Мальдуна» (опубл. 1897), основанной на ирландской легенде.

«Баллада Рэдингской тюрьмы» О. Уайльда (в первых шести изданиях печатавшаяся как просто «Баллада» и под псевдонимом «К-33», по номеру камеры, в которой Уайльд отбывал заключение) появилась в переводе Бальмонта в 1904 году. Второй перевод, выполненный Брюсовым в 1912 году, вышел в свет в 1915-м.

Вопрос о том, считать ли стихотворения Э. По балладами, остается открытым. Он решился положительно для «Аннабель Ли» в переводе Бальмонта, поскольку она была опубликована в издании «Эдгар По. Баллады и фантазии» (М., 1895). Затем, в переводе Брюсова, она вошла в «Полное собрание стихотворений и поэм По» (Пг., 1924), что уже не позволяет однозначно атрибутировать ее жанровую природу. В «Полном собрании...» имеется и «Свадебная баллада», тоже в брюсовском переводе.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вполне возможно, что «Шестой удар» был вызван к жизни популярностью жанра баллады; во всяком случае, других баллад Кузмин не написал. В то же время, этот текст стоит особняком среди всех других баллад, написанных с 1890-х по 1930-е. В отличие от символистских образцов, он предельно демократичен, в отличие от издевательских баллад сатириконовцев, в нем нет и тени иронии или сатиры, наконец, в отличие от тоже демократичного «Джона Боттома», в нем законсервирована старая добрая Англия, не тронутая XX веком.

Вообще, если читать «Шестой удар» на фоне классики английской баллады, то создается иллюзия, будто это не поэт 1920-х, а кто-то из английских романтиков взял да и написал балладу на современном русском языке. Разумеется, попытка передать дух и букву английской баллады сближает Кузмина с русскими переводчиками, особенно Бальмонтом, Брюсовым и Гумилевым. Сближает — но и только. От «Шестого удара» веет той первозданностью, какой бывают отмечены оригинальные стихи, манифестирующие особый поэтический мир.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**БАЛЛАДЫ САМЫХ РАЗНЫХ ТИПОВ
ОТ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА ДО СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ
(В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ ОТ БОЛЕЕ ПОЗДНИХ
К БОЛЕЕ РАННИМ)**

1939←1930

- Кедрин Д. Б. «Баллада о старом замке»
 Зенкевич М. А. «Парикмахерская баллада»
 Демьян Бедный «Раздивилловский „краковяк“. Современная баллада (с польского)»
 Голенищев-Кутузов И. «Цыганская баллада»
 Кирсанов С. И. «Баллада о мертвом комиссаре»
 Штейгер А. С. «Баллада о гимназисте»
 Прокофьев А. А. «Баллада о трех бравых парнях»
 Светлов М. А. «Баллада о чекисте Иване Петрове»
 Олейников Н. М. «Чревоугодие (Баллада)»
 Корнилов Б. П. «Баллада об оккупанте Билл Окинсе»
 Сельвинский И. Л. «Баллада о барабанщике»
 Смеляков Я. В. «Баллада о числах»
 Марков С. Н. «Уссурийская баллада»
 Пастернак Б. Л. «Баллада» («Дрожат гаражи автобазы...»)
 Пастернак Б. Л. «Вторая баллада»

НВ. В середине 1930-х С. В. Петров приступил к работе над «Балладой о ветреных воротах», «Балладой о прогулке двух приятелей» и «Балладой о беде и горе»; они были завершены в 1941–1942 годах. В 1935 году Н. Я. Агнивцев выпустил книгу для детей «Баллада о примусе».

1929←1920

- Зальцман П. Я. «Баллада»
 Кирсанов С. И. «Баллада о неизвестном солдате»
 Маяковский В. В. «Баллада о бюрократе и о раборе»
 Маяковский В. В. «Баллада о почти что факте»
 Алтаузен Дж. «Баллада о четырех братьях»
 Кузмин М. А. «Шестой удар. Баллада» (цикл «Форель разбивает лед»)
 Молчанов И. Н. «Баллада о почтальоне»
 Светлов М. А. «Баллада»
 Тарловский М. А. «Баллада о польском после»
 Агнивцев Н. Я. «Баллада о конфузливой даме»

- Кирсанов С. И. «Баллада с аккомпанементом»
Ходасевич В. Ф. «Джон Боттом»
Катаев В. П. «Баллада»
Лебедев В. М. «Кавалерийская баллада»
Сельвинский И. Л. «Баллада»
Уткин И. П. «Баллада о мече и хлебе»
Ходасевич В. Ф. «Баллада» («Мне невозможно быть собой...»)
Шенгели Г. А. «Баллада о стеклодуве»
Есенин С. А. «Баллада о двадцати шести»
Зенкевич М. А. «Баллада о безногом рояле»
Саша Черный «Баллада о русском чуде»
Саша Черный «Современная баллада»
Одоевцева И. В. «Баллада о Гумилеве»
Багрицкий Э. Г. «Баллада о Виттингтоне»
Лапин Б. М. «Немецкая баллада»
Лапин Б. М. «Баллада о капитане Крю»
Маяковский В. В. «Баллада Редингской тюрьмы» («Про это», раздел I)
Рождественский Вс. А. «Баллада памяти»
Одоевцева И. В. «Баллада о площади Виллет»
Ахматова А. А. «Новогодняя баллада»
Демьян Бедный «Советский часовой. Баллада»
Зенкевич М. А. «Бухгалтерская баллада»
Крученых А. Е. «Голод химический. Баллады о камне Карборунде»
Крученых А. Е. «Баллады о яде Корморане»
Лапин Б. М. «Виселица святого Вернера. Баллада»
Полонская Е. Г. «Баллада о беглеце»
Тихонов Н. С. «Афганская баллада»
Тихонов Н. С. «Баллада о синем пакете»
Тихонов Н. С. «Баллада о гвоздях»
Иванов Г. В. «Баллада об издателе»
Лапин Б. М. «Дневник Пигафетты. Баллада»
Одоевцева И. В. «Баллада об извозчике»
Ходасевич В. Ф. «Баллада» («Сижу, освещаемый сверху...»)
Одоевцева И. В. «Баллада о том, почему испортились в Петрограде водопроводы»
Одоевцева И. В. «Баллада о Роберте Пентегью»
Сологуб Ф. К. «Баллада о милой жизни»
Сологуб Ф. К. «Баллада о высоком доме» (1920; не публиковалась при жизни)
Демьян Бедный «Живые покойники. Меньшевистская баллада» (1920)

НВ. В 1920 году М. И. Цветаева работала над «Балладой о проходимке» (1920; не завершена). В 1924 году для «Чукоккалы» О. Э. Мандельштам и Б. К. Лившиц сочинили «Балладу о горlinkках». Перу Н. С. Гумилева, О. Э. Мандельштама и Г. В. Иванова принадлежит «Умеревший офицер (Баллада)» (1920 или 1921, опубли. в «Сумасшедшем корабле» О. Д. Форш, 1930).

1910←1919

- Демьян Бедный «Баллада (Меньшевицкая)»
 Маяковский В. В. «Баллада об одном короле и тоже об одной блохе (Он же Деникин)»
 Багрицкий Э. Г. «Баллада о нежной даме»
 Одоевцева И. В. «Баллада о толченом стекле»
 Игорь Северянин «Баллада XXV (НЕО)» («Усни в зеленом гамаче...»)
 Игорь Северянин «Баллада XXIV (Диссо, фиг. 2)» («Царевич Май златистокудрый...»)
 Игорь Северянин «Баллада XXIII (Диссо, фиг. 1)» («Поэт, во фражке соловей...»)
 Игорь Северянин «Баллада XXII» («В четверку серых лошадей...»)
 Игорь Северянин «Баллада XXI» («Витают крыльный ветерок...»)
 Меркурьева В. А. «Баллада»
 Татьяна Вечорка «Галантная баллада»
 Гумилев Н. С. «Загробное мщенье. Баллада»
 Спасский С. Д. «Баллада»
 Никулин Л. В. «Баллада»
 Шкапская М. М. «Баллада»
 Игорь Северянин «Баллада XVII» («Вселенец — антипатриот...»)
 Игорь Северянин «Баллада XVI» («Жизнь человека одного...»)
 Игорь Северянин «Баллада XV» («Блюдите фронт, но вместе с тем...»)
 Игорь Северянин «Баллада XIV» («Должна быть кончена война...»)
 Игорь Северянин «Баллада XIII» («Не понятия моей страной...»)
 Игорь Северянин «Баллада XII» («Когда отечество в огне...»)
 Игорь Северянин «Баллада XI» («Экспресс уходит на фьорд...»)
 Игорь Северянин «Баллада X» («Любовь! каких-нибудь пять букв!...»)
 Игорь Северянин «Баллада IX» («О ты, Миррэлия моя!...»)
 Игорь Северянин «Баллада VIII» («Эльгриня смотрит на закат...»)
 Игорь Северянин «Баллада VII» («Мне ярко грезится река...»)
 Игорь Северянин «Баллада VI» («У Юнии де Виантро...»)
 Игорь Северянин «Баллада V» («Баллада Рэдингской тюрьмы...» (!))
 Игорь Северянин «Баллада IV» («Эльсиса бегаёт с пажом...»)
 Игорь Северянин «Баллада III» («Она катается верхом...»)

- Игорь Северянин «Баллада II» («Десятый день ее корвет...»)
Игорь Северянин «Баллада I» («Баллад я раньше не писал...»)
Пастернак Б. Л. «Баллада» («Бывает, курьером на борзом...», 1916, переделана в 1928)
Маккавейский В. Н. «Баллада к мадам де Помпадур»
Шершеневич В. Г. «Баллада Валерию Брюсову»
Брюсов В. Я. «Баллада» («Горит свод неба ярко-синий...»)
Эллис «Черная барка. Баллада»
Эллис «Бедный юнга. Баллада»
Эллис «Баллада о Пресвятой Деве» (цикл «Pieta», 9)
Брюсов В. Я. «Баллада ночи» (сб. «Семь цветов радуги», раздел «Голубой»), цикл «В старинном замке», эпитафия из «Джэн Вальмор»)
Брюсов В. Я. «Баллада воспоминаний» (там же)
Брюсов В. Я. «Баллада о любви и смерти» (там же)
Брюсов В. Я. «Смерть рыцаря Ланцелота. Баллада» (задуманные «Сны человечества», раздел «Англия»)
Брюсов В. Я. «Похищение Берты» (задуманные «Сны человечества», раздел «Романтические баллады»)
Брюсов В. Я. «Прорицание» (задуманные «Сны человечества», раздел «Романтические баллады»)
Гумилев Н. С. «Баллада» («Влюбленные, чья грусть, как облака...»)
Балтрушайтис Ю. К. «Осенняя баллада» (сб. «Лилия и серп», 1948; в разделе стихов 1887–1912)
Андрей Белый «Шут. Баллада»
Иванов В. И. «Cor Ardens Rosa. Баллада»
Иванов Г. В. «Майская баллада»
Эллис «Тангейзер на турнире (Баллада)»
Эллис «Пряха (Баллада)»
Эллис «Рыцарь двойной звезды (Баллада)»
Прутков И. К. (Б. В. Жиркович) «Рыцарская верность. Баллада»
Потемкин П. П. «Мщение. Баллада»
Игорь Северянин «Озеровая баллада»
Соколов (Кречетов) С. А. «Травы (Баллада)» (сб. «Летучий голландец» (!), 1910)
Иванов Г. В. «Песня о пирате Оле. Развинченная баллада»
Эренбург И. Г. «Баллада»

1909←1900

- Анненский И. Ф. <Баллада> «День был ранний и молочно-парный...»
Игорь Северянин «Баллада» («У мельницы дряхлой, закутанной в мох...»; есть *стаи форелей* (!))
Саша Черный «Баллада» («Устав от дела, бюрократ...»)

Гумилев Н. С. «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»)

Соловьев С. М. «Баллада о графе Равенсвуде»

Игорь Северянин «Похороны (баллада)»

Игорь Северянин «Призрак великой царицы (баллада)»

Гофман В. В. «Баллада о поздних встречах»

Соколов (Кречетов) С. А. «Королева Магдалена (Баллада)»

Луначарский А. В. «Два либерала (Баллада)»

Гофман В. В. «Наваждение»

Сологуб Ф. К. «От злой работы палачей. Баллада»

Гиппиус Э. Н. «Баллада» («Мостки есть в саду, на пруду, в камышах...»)

Иванов В. И. «Жрец озера Неми. Лунная баллада»

Садовской Б. А. «Иоанн Грозный (Баллада)»

Брюсов В. Я. «Раб» (1900) (сб. «Urbi et orbi», раздел «Баллады»)

Брюсов В. Я. «Пеплум» (1900; там же)

Брюсов В. Я. «Помпеянка» (1904; там же)

Брюсов В. Я. «Путник» (1903; там же)

Брюсов В. Я. «Решетка» (1902; там же)

Брюсов В. Я. «У моря» (1902; там же)

Брюсов В. Я. «Предание о луне. Баллада» (с эпиграфом из «Джэн Вальмор»)

1899—1890

Бальмонт К. Д. «Замок Джэн Вальмор. Баллада»

Сологуб Ф. К. «Любовь, измена, донос, ревность, мщение и смерть. Баллада»

Сологуб Ф. К. «Песня знахаря. Баллада»

Фофанов К. М. «Очарованный принц. Баллада» (имеются *форели!*)

Максим Горький «Баллада о графине Эллен де Курси, украшенная различными сентенциями, среди которых есть весьма забавные»

Мирра Лохвицкая «Четыре всадника. Баллада»

Сологуб Ф. К. «Ботфорты пажа Адельстана»

Гиппиус Э. Н. «Баллада» (1890) («Сырые проходы...»)

НВ. В «Сочинениях» (1898) К. К. Случевского имеется раздел «Баллады, фантазии и сказы», объединивший стихотворения с размытой жанровой природой.

Из 1880-х

Соловьев В. С. «Таинственный пономарь. Баллада»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Анненский И. Ф.* Лаодамия: Лирическая трагедия в 4-х действиях с музыкальными антрактами // Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 413–473 (Библиотека поэта. Большая сер.).
2. *Богомолов Н. А.* Тетушка искусств: Оккультные коды в поэзии М. Кузмина // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 145–186.
3. *Зелинский Ф.* Из жизни идей: (Научно-популярные статьи). СПб., 1995.
4. *Кузмин М.* Стихотворения. СПб., 2000.
5. *Кузмин М.* Форель разбивает лед. Л., 1929.
6. *Мерилай А.* Вопросы теории баллады. Балладность // Учен. зап. Тартуского ун-та. Поэтика жанра и образа. Труды по метрике и поэтике. 1990. Вып. 879. С. 3–21.
7. *Немзер А.* При свете Жуковского: Очерки русской литературы. М., 2013.
8. *Панова Л. Г.* «Форель разбивает лед» (1927): диалектика любви. Статья 4. О балладе и балладности // М. Л. Гаспаров: О нем. Для него. М., 2017. С. 587–630.
9. *Разумова Н., Коноваленко А.* Валерий Брюсов — переводчик баллад Эдгара По (статья первая) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 79–84.
10. *Шмаков Г.* Михаил Кузмин и Рихард Вагнер // Wiener Slawistischer Almanach. 1989. Bd 24. S. 31–45 (Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin).
11. *Katz M.* Russian Ballad in Early 19th Century Russian Literature. London, 1976.
12. *Laws G.* The British Literary Ballad: A Study in Poetic Imagination. Carbondale & Edwardsville, 1972.
13. *Malmstad J., Shmakov G.* Kuzmin's «The Trout breaking through the Ice» // Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde, 1900–1930. Ithaca; London, 1976. P. 132–164.
14. Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Ed. by A. Preminger et al. Princeton, New Jersey, 1974. P. 62–65.
15. The Literary Ballad / Ed. by A. Ehrenpreis. London, 1966. P. 9–19.